
ГЛАВА ПЯТАЯ.

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Будущность Австро-Венгрии уже задолго до войны интересовала политическую литературу наших противников. Вопрос о том, нужно ли способствовать развалу державы Габсбургов или следует стремиться к ее сохранению, обсуждался совершенно открыто. Уверенность, что день кончины императора Франца-Иосифа будет роковым для всей монархии, была распространена не только среди наших врагов. В Германии тоже много было толков о предстоящих в таком случае событиях, и печать — в особенности из пангерманского лагеря, — ничуть не заботясь о впечатлениях за границей, заранее пред'явила широкие претензии на наследство. Во Франции до заключения *entente cordiale* (сердечного соглашения) раздавались голоса о желательности отделения Австро-Венгрии от тройственного союза и присоединения ее к союзу франко-русскому. В этих целях в Вене не без успеха использовали против германского союзника эти неосторожные пангерманские выходки, спекулируя одновременно на чувствах некоторых кругов, которые не могли забыть Кенигсгреца. Если бы посчастливилось развалить тройственный союз, то на пути пресловутого германского стремления на восток воздвигнуты были бы непреодолимые преграды. Однако позднее, когда австрийское и балканское славянство стало все больше и больше вызывать к себе интерес западной публи-

цистики, перевес вновь получили автономистские идеи. С заключением тройственного согласия воззрения вполне установились. Общим паролем стало: поддержка во что бы то ни стало славянских составных частей Дунайской монархии. Чехи ведь почти открыто стремились к отделению от австрийского государственного объединения, и брожение среди южных славян шло не прекращаясь¹⁾. Всякое же поощрение этих центробежных тенденций не только разлагало конгломерат австро-венгерского союза, но подкапывалось под общую позицию центральных держав. Естественным и необходимым дополнением являлось одновременное поощрение заинтересованных в распадении Дунайской монархии славянских государств Балканского полуострова. Мало дальновидная хозяйственная политика Австро-Венгрии по отношению к Сербии представляла для проявлявшего неустанную деятельность русского посла в Белграде г. Гартвига благоприятную почву, чтобы с возрастающим успехом раздувать антагонизм к габсбургскому соседу, а Черногория, как ни мала она сама по себе, обратилась в щедро субсидируемое филиальное отделение столицы панславизма на реке Москве. Само собой разумеется, что и этот процесс развития совершался не совсем прямолинейно. Ведь не так давно Англия после устранения, путем убийства, династии Обреновичей, на долгое время отказалась от дипломатического представительства в Белграде. Однако английские и французские политики все чаще и чаще стали привозить с собой из своих экскурсий по славянским областям Дунайской монархии столь приятные для них впечатления, прилежно подхватываемые прессой, что население этих славянских стран с нетерпением ожидает неминуемого, будто бы, после смерти престарелого императора

1) Вопросу о славянских происках посвящена весьма обширная литература. Краткое изложение вопроса можно найти в статьях Иберсбергера, помещенных в и данном Таубером коллективном труде: «Deutschland und der Weltkrieg» («Германия и мировая война»).

распада Габсбургской монархии. В самых же славянских областях не ограничивались простым изучением грядущих возможностей, но путем прессы, брошюрной литературы, союзов и собраний совершенно определенно стали подготавливать умы к политическим выступлениям ¹⁾. Притом следует иметь в виду, что положение славян в австрийской монархии ни в каком случае не было совершенно беспросветным. В кругу, близком к наследнику австрийского престола, как известно, носились с планом перестройки всего государственного организма, что дало бы славянским элементам возможность более свободного развития. Планы эти строились, однако, на предпосылке, что монархия найдет в себе достаточно твердости и силы вернуть славянские части своего населения к идее австрийской государственности. Но как раз этому-то и стремился всячески воспрепятствовать и панславизм и им поддерживаемая великосербская пропаганда. Наследник престола стоял у многих поперек дороги. Его руку считали достаточно твердой, чтобы вновь взнуздать стремящиеся к распаду элементы. К тому же резко высказывалась основная противоположность между славянством и германством. Конечно, общность хозяйственных интересов при соответствующем заботливом отношении к ним могла бы, может быть, с течением времени постепенно одолеть грубый расовый антагонизм, уходящий своими корнями в далекое прошлое. Но национализм австрийских и соседних с ними балканских славян одержал верх и принял анти-немецкое направление, потому что Россия использовала его для своей великодержавной политики захватов, стремящейся к обессилению Дунайской монархии, а Франция и Англия поощряли его, как могучее средство к укрощению Германии путем истощения ее союзника.

¹⁾ Австро-венгерская «Красная книга» № 19 и «Досье» дают для ознакомления с этим весьма обильный и поучительный материал.

При таких обстоятельствах произошло 28 июня в Сараеве убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда. Бомбы для совершения этого убийства были доставлены в Боснию с помощью сербских офицеров и гражданских чиновников. Палачи могли радоваться покровительству, который им оказывал союз «Народная Одбрана», поддерживаемый сербским правительством и открыто проповедывавший отпадение от Австро-Венгрии ее сербских частей. Убийство являлось кровавым симптомом созревшего у адептов великосербской идеи убеждения, что час их настал. Но пробил час и Дунайской монархии: если она снесет, не реагируя на него, этот разрушительный натиск на ее существование, то развал ее неминуем. Если бы она решилась образумить великосербских смутьянов и если бы ей никто при этом не помешал, ей удалось бы погасить огонь, грозящий охватить не только ее собственный дом, но все мирное население Европы. С момента, однако, как кто-либо из членов Антанты воспротивился бы этой последней попытке Австро-Венгрии сохранить свою неприкосновенность, вся австро-венгерская проблема вышла бы за пределы чисто теоретических построений и потребовала бы решений в масштабе всемирно историческом.

Все дело было за Россией. Мирное разрешение сербского вопроса было и на этот раз во власти русской политики. Г. Сазонов сам признался в одной беседе с графом Пурталесом, что сербское правительство заслуживает хорошей остротки. И одного слова из Петербурга было бы достаточно, чтобы побудить сербов дать удовлетворение Австрии, которое сделало бы возможным некоторый дальнейший *modus vivendi*. С другой стороны, если бы люди, стоящие у власти, предпочли бы руководиться заветами «исторической миссии» России, которая по старой панславистской формулировке требовала не только защиты балканских славян, но и поддержки славянских народностей Австрии, то в таком случае возникал уже вопрос о сохранении европейского мира. Те-

перь известно, что г. Сазонов искал случая к нарушению этого мира в Европе, так как мечтал о приобретении Константинополя, а для этого нужна была европейская война. Этим раз навсегда объясняются все выступления русской политики в июле 1914 г. Но если даже страх и обуял г. Сазонова при виде облекшейся в плоть и кровь военной фурии, подготовить дорогу которой «было сознательной целью его министерства», все же война осталась делом его рук. Лично он все более склонялся к панславистским идеям. Человек, вполне освоившийся с западной культурой, он все же пьянел от мысли увидеть когда-нибудь «святую Русь» в роли великой, всемогущей, направляющей и обороняющей матери всей семьи славянских народов. Уже в силу этого не мог он собрать достаточной решимости, чтобы устоять против бурного требования о признании какой угодно ценой авторитета славянства. В эти роковые дни военные, а также и гражданские советники царя сумели убедить его, что спасти свой престол и империю он может, лишь направив бродившее в стране недовольство, — будь то недовольство, выросшее на почве панславистского сумасбродства или социальной ненависти, в сторону увлечения войной. Подобные мысли — после испытаний мировой войны хочется сказать: подобные преступные мысли, — по всей вероятности, во всех странах дурманили головы близоруких и неразборчивых людей из безответственных кругов общества. В России же ими были проникнуты лица, занимавшие высокие посты. Притом люди этого направления были одновременно и решительными сторонниками захвата Константинополя. Вот этим-то подстрекателям к войне и отдался всецело, как бы лишившись собственной воли, г. Сазонов, когда на совещании 21 февраля он вместе с ними решил, что Россия должна овладеть проливами, хотя бы ценой европейской войны.

Итак, для того, чтобы привести лавину в движение, не требовалось даже обращения сербского наследного принца к вели-

кодушному сердцу царя. Когда он 24 июля умолял русского императора «возможно скорее прийти на помощь Сербии», Сазонов в душе уже принял решение. В тот же самый день русский совет министров постановил поддержать Сербию и военными средствами. На следующий день были проведены у царя соответствующие приказы, и Сазонов уже принимал меры во французском посольстве, чтобы заручиться помощью Англии. Английский посол Бьюкенен сделал точное сообщение об этой беседе и передал слова Сазонова, что если Россия будет иметь возможность положиться на Францию, он не побоится войны ¹⁾. Условие, поставленное здесь русским министром, следует понимать лишь как явно дипломатический ход. Что г. Пуанкарэ, который уже в 1912 г. «не пожалел бы, если бы началась война», будет участвовать в ней при всех обстоятельствах, — г. Сазонов прекрасно знал, когда беседовал с г. Бьюкененом. Но ему нужно было узнать, как думала Англия на этот счет, потому что против воли Англии он не мог решиться на войну. У связанной союзом с Японией Великобританией было достаточно сил и средств, чтобы вытравить в России всякие помышления о войне. Окончательно распахнуть войне уже приотворенные ворота г. Сазонов мог осмелиться лишь в случае уверенности, что из них выступит в полном своем вооружении также и Англия. Итак, все зависело от поведения последней. Что же сделала она?

О мировой войне, возможность которой сэр Эдуард Грей, конечно, прекрасно видел, английский дипломат говорил с ужасом и в крайне резких выражениях, хотя он признавал, что с английской точки зрения австро-сербский спор сам по себе не требует международного вмешательства. Если ультиматум, предъявленный к Сербии, не поведет к конфликту между Австрией и Россией, то Англии нечего об этом беспо-

¹⁾ «Синяя книга» № 17.

коиться. Однако для такой локализации спора он не сделал ничего. Собственно говоря, с самого начала он считался с неизбежностью вмешательства России и признавал его вполне естественным. Как только Россия объявила дело Сербии своим собственным делом, он вполне этому подчинился. Но и не одно лишь это. Он не только не сказал в Петербурге своего властного слова, которое и тогда еще могло оказать действие, но, наоборот, дал русскому кабинету ясно понять, что вообще такого слова говорить не собирается. 24 июля сэр Эдуард Грей сказал князю Лихновскому, что, ввиду формы австрийского ультиматума, он чувствует себя совершенно бессильным оказать на Россию какое-либо умеряющее влияние. Английский министр считал даже нужным известить предварительно г. Камбона о своем намерении сделать подобное сообщение германскому послу. Неужели сэр Эдуард Грей думал, что Камбон скроет эти любопытные слова в глубине своей души, и не имел ли он, наоборот, полного основания полагать, что обо всем этом будет немедленно осведомлен их русский коллега? Вот каким образом г. Сазонов получил ожидаемый ответ. Сдержанность Грея по отношению к Сербии зашла так далеко, что он поручил английскому представителю в Белграде рекомендовать сербскому правительству уступчивость в отношении некоторых незначительных пунктов, но в остальном посоветовать ответить на австрийские требования так, как сербское правительство считает наиболее удобным в своих интересах. Даже пифия не могла бы более определенно поощрять Креза. 27 июля отняло у правящих лиц в Петербурге последние сомнения. В этот день сэр Эдуард Грей дал понять русскому послу, что мнение о безусловном безучастии Англии неосновательно. Он сообщил, что 1-й морской дивизии отдан приказ не расходиться после маневров ¹⁾. Это было уже явное поощрение. Австрийского посла

1) «Синяя книга» №№ 47 и 48.

Грей также информировал о концентрации эскадры, прибавив, что, ввиду возможности войны, Англия не может разбрасывать свои военные силы. Это была столь же явная угроза, хотя Грей это и отрицал. Вероятно, к этому присоединились и другие факты, окончательно рассеявшие у России всякие сомнения относительно поведения Англии. Знаменитое донесение бельгийского представителя в Петербурге определенно наводит на такие предположения. 30 июля г. де л'Эскейль писал: «Теперь в Петербурге твердо уверены, что Англия поддержит Францию. Поддержка эта ввела новый необыкновенно мощный фактор и не мало способствовала усилению военной партии». И в тот же день петербургский корреспондент агентства Рейтера послал в Лондон свою так часто цитируемую телеграмму с сообщением о том огромном впечатлении, какое произвел выход английского флота из Портланда. В связи с последовавшими дружелюбными заверениями Японии это более чем укрепило и так уже твердое намерение России довести дело до войны. Таким образом сэр Эдуард Грей расстроил свои собственные, а одновременно с тем и наши попытки посредничества.

В объяснительной записке к нашей «Белой книге» значится, что Англия «бок о бок» с нами работала в пользу сохранения мира. Наша тогдашняя неполная осведомленность о поведении Англии еще допускала возможность такого мнения, которое впоследствии английская публицистика толковала как признание нами английского миролюбия. Оставаться при этом суждении в настоящее время, значило бы противоречить собственным официальным сообщениям наших противников, в достаточной мере освещающим причастность Лондона к дипломатической подготовке войны.

Не были ли безнадежны сами по себе наши собственные попытки к посредничеству? Когда кризис достиг своего зенита, мы побудили Вену к определенному заявлению, что она не претендует ни на какие части Сербии, что не затронет

ее независимости и только временно займет войсками сербскую территорию. Мы настойчиво рекомендовали венскому кабинету принять в споре с Сербией посредничество, предлагаемое Греем, и путем усиленного давления добились этого. Благодаря нам опять возобновились прямые сношения между Веной и Петербургом. Я распорядился при этом передать на словах графу Берхтольду, «что мы готовы исполнить свой долг союзника, но вовсе не желаем, чтобы Австро-Венгрия вовлекла нас в мировой пожар несоблюдением наших советов». Наши шаги, предпринятые в Вене, имели успех. Но сохранить мир мы не могли, потому что Петербург ему изменил. А Петербург изменил ему потому, что Англия не обуздавала его воинственных вожделений. Правда, в дипломатических воздействиях со стороны Англии на Петербург не было недостатка, так как сам по себе Грей не хотел войны. Но все они не выходили за пределы любезного уговаривания, и Грей спокойно относился к тому, что в Петербурге не обращали никакого внимания на его советы. Он ничего решительно не предпринял для укрощения воинственного настроения в Петербурге, все более и более возраставшего. Различные посреднические выступления Англии всегда имели характер давления на Петербург, но твердого воздействия на Петербург, подобного нашему воздействию на Вену,—не было. Это и есть причина, почему наша посредническая деятельность оказалась по существу безнадёжною.

В поведении Британии повторялись явления, наблюдавшиеся уже во время миссии Хольдена. Тогда Англия желала войти в соглашение с Германией, но так, чтобы при этом никоим образом не была задета Франция. То была квадратура круга. Теперь Грей хотел сохранить мир, но только если это не помешает намерениям России. Это было еще более невозможно. Теперь созрели те всходы, которые взрастила английская политика. Все более сильное тяготение к франко-русскому союзу, усиление его военными соглашениями —

все это были те узы, которыми Грей сам связал себе руки. Он уже не был свободен в своих действиях и чувствовал, что после всего этого было бы несовместимо с его честью, если бы он захотел осадить своих друзей на Неве властным предупреждением. Только таким предположением могу я объяснить его политику.

Германия также была несвободна. Но ее обязательства были другого характера. Даже в самый критический момент наши союзные отношения к Австро-Венгрии не препятствовали нам предпринимать самые серьезные шаги, чтобы рекомендовать нашему другу и союзнику столь необходимую для сохранения мира умеренность. Но могли ли мы еще свободно решать, предоставить ли Австро-Венгрии в этом жизненном для нее вопросе ее собственной судьбе или нет?

Вырвать у франко-русского союза путем сближения с Англией его ядовитое жало не удалось. Англия не оставила никакого сомнения в том, что франко-русский союз она решила поддерживать не только дипломатическими, но и военными мерами. Союз вел воинственную политику. Пуанкарэ являлся представителем идеи реванша. Россия намечала поход на Константинополь, а путь туда шел через Берлин и Вену. Русские батальоны умножались из года в год, благодаря французскому золоту. Франция ввела по требованию России трехлетнюю воинскую повинность, которую выносить долго она не могла, да и не хотела. Мирная совместная работа в международном масштабе далеко не являлась целью правительства. Те тенденции, которые проявились в набеге на бурув, в русско-японской войне, в внезапном нападении на Триполи и в балканских заговорах, не были еще вытравлены ни одним мирным договором. Материальная мощь — вот та цель, к которой эгоистически стремились великие державы. Приобрести эту мощь, удержать ее за собой — готовы были ценой какой угодно гекатомбы из человеческих жизней. Немецкие политические руководители видели, что само суще-

ствование Германии, как великой державы, висело на остриях вражеских штыков. Единственный надежный союзник Германии, как казалось, был близок к разложению, в случае если ей не удастся обезвредить мины, подложенные под самый фундамент его дома. Если бы этот союзник вышел из строя, а тем более перешел бы в лагерь врагов, считая себя преданным своим старым другом при защите самых жизненных своих интересов, то Германия осталась бы совсем одинокой. Она задохлась бы в замкнувшемся кольце враждебных держав, в котором на почве мирового империализма об'единились ревнивая зависть к усиливающемуся экономически конкуренту, антагонизм славянской расы с германской и неугасающая ненависть к победителям 1870 г.

Таковы основания, по которым германская политика считала нужным одобрить решение Австрии выступить против Сербии и по которым она поддержала Австрию заявлением о своей союзнической верности.

Я хорошо понимаю, что после того исхода, который имела война, легко можно махнуть рукой на эти и всякие другие аргументы. Но все же обвинители, цель которых не только охотиться за виновниками войны, имеют право и теперь задать вопрос, почему германская политика не велась так, чтобы мы вообще не были поставлены перед этим роковым вопросом? Мне кажется, что при этом во много раз переоценивают свободу в выборе решений, которая была нам предоставлена в последнее десятилетие. Германия также находилась под обаянием господствовавших во всем мире идей о могуществе. Если вникнуть в мысли Бисмарка, то из его постоянно повторяющихся изречений о его *cauchemar des coalitions* (кошмаре коалиций), о насыщенности Германии, из его осторожности во всех вопросах морской и колониальной политики—станет достаточно ясно, насколько хорошо он сознавал опасность, которая со всех сторон угрожала новой Германии, созданной, как и все другие великие державы мира, средствами

внешней силы и принуждения. Бьющее через край и почти слишком стремительное развитие сил Германии, принудив ее к участию в мировой политике и заразив характерным для нашей эпохи стремлением к материальному могуществу, заставило ее выдвинуть новую программу, которая не могла уже лавировать между рифами, которые умел обходить Бисмарк. Морская политика и восточные дела — вот наиболее характерные признаки нового курса. И не один немецкий государственный деятель не в силах был бы повернуть руль в другую сторону, пока он не предоставил бы своему народу достаточно солидных гарантий, что те великие противоречия мировых интересов, в которые и Германия была втянута, получают свое разрешение не мечом, но посредством мирных соглашений. Единственный путь к этому — и я должен это все вновь и вновь повторять — было сближение с Англией. Франция жила под гипнозом мысли о реванше, Россия находилась во власти идеи своей «исторической миссии» на Балканах и в Константинополе, Австро-Венгрия, с ее смесью национальностей, слишком запуталась в своих внутренних затруднениях, чтобы играть руководящую роль. Германия и Англия казались мне единственными свободными державами, не побуждаемыми никакими элементарными интересами к изменению *status quo*. Лорд Хольден, наверно, помнит один вечер в моем доме, когда я старался ему доказать, что искреннее сближение наших стран обеспечило бы мир между всеми народами и могло бы постепенно склонить все державы от служения призраку вооруженного с ног до головы империализма к противоположному полюсу мирного сотрудничества. Но и ему оказались ближе английские дредноуты и французская дружба.

Раз Германия, таким образом, натолкнулась на неуклонную тенденцию к дальнейшему расширению и военному упрочению системы европейских коалиций, вместо стремления к уничтожению ее воинственного характера, то, естественно,

германская политика не могла в одиночестве продолжать идти по той дороге, по которой никто с ней идти не хотел. Приходилось открыто смотреть в глаза жестокому факту, что поведение правительств определялось не какой-нибудь великой всечеловеческой идеей, а наоборот: все искусство государственного управления сводилось к желанию осуществить свои вожеления силой оружия. Германская политика была вынуждена ограничиваться паллиативными мероприятиями, надеясь путем отсрочек и замедлений избежать в конце концов грозной опасности. Но если ей не суждено было в интересах мира преобразовать враждебную ей группировку держав, то, с другой стороны, она не могла допустить и ничего такого, что повело бы к ослаблению ее собственной группы. В этом лежит причина того факта, что сохранение союза с Дунайской монархией оставалось краеугольным камнем нашей политики. Еще во время балканских войн мы успешно противодействовали всем стараниям России, направленным в ущерб Австро-Венгрии. Однако и России с ее ориентированной на Константинополь политикой мы показали нашу готовность к уступкам, неоднократно заявляя русскому кабинету, что мы не намерены создавать ему затруднений в вопросе о проливах. Мы продолжали, таким образом, нашу традиционную политику, стараясь, чтобы более заинтересованные в этом вопросе державы не могли нас стравить из-за него с Россией¹⁾. Но у нас не было средства против этого

¹⁾ В последний раз Россией затрагивался этот вопрос в Берлине в 1911 г. С тех пор русские уже не обращались к нам со своими желаниями относительно проливов. От своего посла Чарыкова, который в 1911 г. добивался в Константинополе открытия проливов, петербургский кабинет отрекся, натолкнувшись на сопротивление со стороны Англии, и вскоре после этого отозвал его. Его преемник г. фон Гирс в продолжительной беседе с немецким посланником в марте 1914 г. развивал свою программу на тот случай, если он будет призван на место Сазонова. Программа его строилась на мысли о русско-герман-

стремления России к войне. Если она ставила перед нами этот роковой вопрос, то мы вынуждены были на него ответить.

Могли ли мы в ответ на него пожертвовать Австрией? Если бы мы допустили распад Австро-Венгрии, славянский мир добился бы победы, имеющей вековое значение. Для европейского запада этот легкий триумф Москвы представлял бы начало эпохи тяжелого русского ига. Германия после падения Австрии играла бы роль послушного вассала Востока. В иной форме и в условиях изменившейся европейской жизни повторилась бы тогда для нас эра Николая I, быть может, уже под именем Николая III. В случае же проявления со стороны Германии строптивости, ее покорители могли бы по собственному усмотрению выбрать любой день, чтобы вычеркнуть ее из числа великих держав.

Подобная капитуляция представлялась мне невозможной.

ском сближении и имела в виду широкое удовлетворение желаний России, в то же время сохраняя неприкосновенной турецкую территорию. Г. фон Вангенгейм доносил о проектах Гирса с самым крайним скептицизмом. Насколько уместен был такой скептицизм, можно видеть из большевистских документов. В неоднократно упоминавшемся выше заседании 21 февраля 1914 г., в котором обсуждались планы военных операций в Дарданеллах, принимал участие также и г. фон Гирс и не высказал, насколько можно судить по протоколу, никаких расходящихся с другими мнений. Мало вероятно, чтобы он заручился согласием царя на политику охранения Турции и русско-немецкого сближения почти в то же самое время, когда царь одобрил план Сазонова на овладение Константинополем. Если бы Гирс попытался проводить собственную политику, то от него можно было бы так же легко отказаться, как раньше от Чарыкова. Если же ему, как преемнику Сазонова, пришлось бы стать перед вопросом, как согласовать политику русско-германского сближения с близкими отношениями с западными державами, то, по всей вероятности, события Потсдама повторились бы вновь. Впрочем, проверка этого на опыте не состоялась, потому что Сазонов остался у кормила правления и продолжал свою воинственную политику.

Широко распространенная легенда ставит возникновение войны в связь с Коронным советом, состоявшимся 5 июля 1914 г. в Потсдаме. Даже немцы поверили этой сказке, хотя наши противники, которые, наверно, набросились бы на эту находку, в своих официальных публикациях ничего не сообщают о подобном совещании, и хотя самое поверхностное исследование обнаружило бы, что большинство перечисляемых участников не было в это время ни в Берлине, ни в Потсдаме.

В действительности же дело происходило следующим образом:

5 июля 1914 г. австро-венгерский посол граф Сцогени после завтрака за императорским столом передал германскому императору собственноручное письмо императора Франца-Иосифа вместе с докладной запиской своего правительства. Эта докладная записка содержала обширную программу балканской политики на продолжительный срок и намечала ряд энергичных дипломатических действий, направленных против русских планов. Для оказания сопротивления враждебной Сербии и для замены ставшей ненадежной Румынии предполагалось создать себе опору в Болгарии и Турции. Конечной целью являлось создание балканского союза под покровительством центральных держав, с исключением из него Сербии. События в Сараеве были приведены в качестве доказательства, что антагонизм между Австро-Венгрией и Сербией принял характер непримиримый и что австрийской монархии приходится считаться с упорной, неутомимой и агрессивной враждою Сербии. Письмо императора Франца-Иосифа резюмировало идеи докладной записки и указывало на то, что мировая политика держав оказалась бы под постоянной угрозой, если позволить агитации Белграда беспрепятственно продолжаться. Император принял оба документа, заметив при этом, что он может ответить только после совещания со своим рейхсканцлером. После обеда того же 5 июля я и заместитель находившегося тогда в отпуску

статс-секретаря фон Ягова — Циммерман имели аудиенцию у императора в парке нового дворца в Потсдаме. Кроме нас, никто не присутствовал. С главным содержанием австрийских документов, копия с которых была препровождена г. Циммерману, я предварительно ознакомился. После моего общего сообщения о содержании их, император сказал, что он не может обманывать себя относительно серьезности положения, в котором находится Дунайская монархия вследствие великосербской пропаганды. Но не наше дело давать совет союзнику, как ему реагировать на Сараевское убийство. Решить это должна Австрия сама. Мы должны тем более воздержаться от прямых советов и указаний, что обязаны всеми мерами стремиться к тому, чтобы австро-сербский спор не вырос в международный конфликт. Но император Франц-Иосиф должен знать, что в решительный момент мы не оставим Австро-Венгрию. Наши собственные жизненные интересы требуют сохранения Австрии в целости. Привлечь Болгарию ему представляется полезным, но не следует из-за этого совершенно отталкивать Румынию.

Эти взгляды императора сходились с моими собственными. Возвратившись в Берлин, я принял графа Сцогниени и объявил ему, что император сознает опасность панславистской и великосербской пропаганды. Ввиду поведения Румынии и стремлений к созданию нового балканского союза против Австро-Венгрии, мы согласны поддержать шаги Австрии к привлечению Болгарии к тройственному союзу. В Бухаресте мы приложили усилия в смысле направления политики Румынии в благоприятную по отношению к тройственному союзу сторону. По поводу взаимоотношений между Австро-Венгрией и Сербией император ничего не может сказать, так как они не входят в его компетенцию. Однако император Франц-Иосиф может быть вполне уверен, что германский император, в полном согласии с союзническими

обязанностями и со старой дружбой, сохранит верность Австро-Венгрии и будет стоять на ее стороне.

6 июля император отправился в путешествие на север и на послание императора Франца-Иосифа ответил 14 июля из Борнгольма в том же самом смысле. Легенда о Коронном совете и о решениях, принятых на нем, таким образом, никакой почвы под собою не имеет. Никакого Коронного совета не было.

Далее, утверждали также, будто мы силой толкнули Австрию на путь войны для разрешения этих вопросов. Донесение баварского посла г. фон Шена от 18 июля 1914 г., недавно опубликованное Куртом Эйснером, как будто подкрепляет эту версию. Правильно ли г. фон Шен истолковал полученные им в статс-секретариате иностранных дел и от других дипломатов сообщения, — судить не берусь. Однако я сомневаюсь в этом. Вероятно, он их спутал с данными из других источников ¹⁾. Для нас было лишь важно, чтобы Вена, если она вообще хочет действовать, не предпринимала половинчатых и медлительных решений. Это не улучшило бы положение, но только еще более осложнило бы его. Основная линия нашего поведения остается, несмотря на это, совершенно определенной. Она намечена достаточно ясно в ответе графу Сцогниени, и мы ее не покидали и впоследствии.

С другой стороны, нам ставят в упрек, что, поощряя вступление Австрии, мы не взяли твердо в свои руки руководство им. Особенно осуждают нас за то, что Австрия отправila ультиматум Сербии без нашего предварительного ознакомления с ним и без одобрения как его общего содержания, так и всех заключающихся в нем подробностей. Еще в настоящее время я считаю, что мы бы совершили

¹⁾ Согласно сообщению фон Шена. Эйснер искажил смысл его донесения, выпустив существенные места. Этим, само собой разумеется, изменяется по существу и оценка донесения фон Шена.

ошибку, если бы пожелали предупредить этот упрек. Я не имею здесь в виду того обстоятельства, что раньше, и особенно во время балканских войн, венский кабинет неоднократно давал нам почувствовать, что мы нашим примиряющим вмешательством приносили вред австрийской политике. Между союзниками, притом тесно связанными друг с другом, такие явления нежелательны. Впрочем, этот момент в данном случае не имел сколько-нибудь решающего значения. Однако мы превратили бы с самого начала австро-сербский конфликт в международный, если бы австрийское выступление сделали германо-австрийским. В таком случае мы сами лишили бы себя всякой возможности локализовать столкновение и, в случае неудачи в этом отношении, организовать международное посредничество: мы не могли бы отказаться от формы и содержания ультиматума, определенно нами одобренного, и выступить в той роли посредника, которую мы на себя взяли с самыми серьезными намерениями и которая могла бы иметь успех, если бы противная сторона не была бы так упорно несговорчива. Само собою разумеется, что мы требовали у венского кабинета постоянных информации о его намерениях. Утверждение, будто мы дали ему полную свободу действий, — тоже одна из легенд, в столь большом изобилии расплодившихся во время войны. О требованиях, которые Вена собиралась предъявить Сербии, г. фон Чиршски в общих чертах поставил нас в известность. Принципиально мы ничего против них иметь не могли. Текст самого ультиматума представил мне статс-секретарь фон Ягов непосредственно после того, как граф Сцогниени ему таковой сообщил, поздно вечером 22 июля, с замечанием, что он считает его слишком резким. Он прибавил, что заявил об этом также и послу; он выразил ему также свое удивление, что вследствие позднего уведомления оказался лишенным возможности вообще высказаться по поводу такого важного документа. Согласно заявления посла, ультиматум уже был

отправлен из Вены в Белград, подлежал там вручению на следующее утро и одновременно опубликованию в венской официальной печати.

Таковы факты. Они опровергают высказанное другой стороной утверждение, будто мы принимали участие в составлении ультиматума, старались даже по возможности придать ему более острую форму и, во всяком случае, ознакомлены были с этим документом еще в то время, когда еще возможно было повлиять на его содержание или форму. В этом нет ни одного слова правды.

Был ли ультиматум слишком резок? Обвинители Германии, которые, как кажется, всего больше желают доказать виновность ее в войне, делают из его резкости вывод о силе воинственных тенденций центральных держав; другие критики считают острую форму его даже фактической причиной войны, и сэр Эдуард Грей, как уже известно, заявил нашему послу, что форма ультиматума лишает его возможности оказать успокаивающее воздействие на Петербург. Я, с своей стороны, тоже был недоволен резкой формой ультиматума, потому что она, действительно, могла создать ложные впечатления, что центральные державы желали мировой войны. Оставаться при подобном мнении и после того, как определенно выяснилась наша посредническая деятельность, можно только при наличии предвзятости, которая, повидимому, неразрывно связана с политикой. Фактически Австро-Венгрия могла только в том случае сладить с грозившей ей со стороны Сербии опасностью, если бы она действовала энергично. Бархатные перчатки только подбодрили бы великосербскую пропаганду и раздражили бы Россию. В таком случае было бы лучше совсем сложить руки. Только действия, исполненные решимости и силы, могли оградить австрийскую монархию от распада и одновременно с тем, — как это ни парадоксально, — на долгое время сохранить всеобщий мир.

Должна ли была австро-сербская война непременно перейти в мировую? И в этом вопросе также переплетаются между собою нравственная ответственность за войну и ее причины. Австро-Венгрия пошла на войну с Сербией в целях самообороны, и Германия поддерживала союзника, потому что его гибель грозила и ее собственному существованию. И та и другая действовали из побуждений простого самосохранения. Напротив, если Россия допустила обращение сербской войны в мировую, то к этому побуждала ее только мнимая задача охраны всех славян и овладения проливами. Она действовала не в целях самозащиты, но из стремления к расширению своего могущества. Международная анархия, в которой мы жили и, повидимому, еще будем жить, не имеет никакого кодекса морали, который устанавливал бы верный критерий для оценки нравственности или безнравственности различных политических действий. Война признавалась хотя и крайним, но все же легальным средством для осуществления национальных целей. Я не знаю, склонны ли еще сторонники этой точки зрения и теперь, после ужасов войны квалифицировать воинственные тенденции России, как «морально» оправдываемые. Но даже тот, кто считает стремление к расширению своих владений моральным оправданием войны, — должен будет с этической точки зрения отдать предпочтение мотивам самозащиты. И хотя политический деятель не вправе базироваться в своих расчетах только на моральных рассуждениях противника, все-таки он не может совсем отрешиться от того базиса, без которого жизнь народов так же немыслима, как и жизнь отдельного человека. При таком взгляде на положение в июле 1914 г. напрашиваются следующие соображения:

Хотя нам еще не были известны одобренные царем в феврале 1914 г. соображения Сазонова, у нас, однако, не было ни минуты сомнения относительно натянутости положения в Европе. Только чрезмерной страстностью, а иногда и пред-

взятой неприязненностью критики можно объяснить упрек, будто я с завязанными глазами слепо шел прямо к пропасти. Всякая работа, направленная к сохранению мира, должна была, естественно, разбиваться о твердую, как камень, и не смягченную воздействием Англии волю России к войне. Закрыт ли был, однако, в силу самой политической необходимости путь мирных соглашений, если бы Россия не преградила его намеренно? С заявлением о неприкосновенности Сербии и с возобновлением прерванных временно прямых сношений между венским и петербургским кабинетами — и то, и другое, как уже было указано, являлось результатом наших настойчивых советов — Россия была лишена всякого объективного основания вести дело к мировой войне. Если бы Петербург вступил на этой почве в непосредственные переговоры с Веной, то легко можно допустить, что — под нашим давлением в Вене и английским в Петербурге — возможно было бы достигнуть соглашения, приемлемого и для России без особо тяжелого ущерба для ее престижа. Сэр Эдуард Грей тоже считал посредничество еще возможным даже после вступления войск Австрии на сербскую территорию, при условии определенного заявления со стороны Австрии, что она сохранит за собою занятую ею территорию лишь до получения от Сербии полного удовлетворения, а также прекратит дальнейшее наступление ¹⁾. Кто, однако, держится того мнения, что Россия вообще не могла потерпеть какого-либо вмешательства в свои планы на Балканах, и что мы должны были это предвидеть и потому не поддерживать Австрию в ее выступлении против Сербии, — тот требует от германской политики какого-то самооскопления. Я не могу согласиться с утверждением, что выбор пути, по которому мы пошли, можно объяснить только ошибкой наших политических взглядов.

¹⁾ «Синяя книга» № 88.

В одном я, однако, должен сознаться. В начале кризиса я твердо верил, что даже Россия с ее политическим образом мыслей без крайней необходимости не отважится на этот страшный последний шаг, и что тем более Англия, встав перед необходимостью принять столь ответственное решение, поставит сохранение всеобщего мира выше всех дружеских связей.

По поводу нашего посредничества нас особенно упрекали в том, что мы отказались от предложенной Греем конференции послов в Лондоне. В разных органах печати из лагеря противника стараются изобразить дело так, будто мы вообще сопротивлялись посредничеству держав. Однако даже поверхностное изучение документов показывает, что это совершенно неверно. Надо различать между предложением посредничества четырех непосредственно незаинтересованных в сербской ссоре держав — Англии, Франции, Германии и Италии — с одной стороны в Вене, с другой — в Петербурге, и предложением созыва конференции послов в Лондоне. К предложениям о совместном посредничестве германское правительство с самого начала и во всех его дальнейших стадиях относилось вполне сочувственно. При этом мы стояли на той точке зрения, что дело идет о посредничестве не между Веной и Белградом, но между Веной и Петербургом. О конференции послов заговорили с нами в форме запроса из Англии: имелось в виду установить сношения по этому вопросу сэра Эдуарда Грея с французским, итальянским и германским послами в Лондоне для обсуждения мер к предупреждению дальнейших осложнений. То было не что иное, как вмешательство великих держав в спор между Австрией и Сербией. В английской Синей книге ¹⁾ и французской — Желтой ²⁾ имеются два документа, которые бросают свет на

¹⁾ № 10.

²⁾ № 32.

эти планы вмешательства. В то время, как Грей прежде всего имеет в виду общее воздействие на Вену и Петербург, Поль Камбон определенно желает направить дипломатические мероприятия по пути посредничества между Австрией и Сербией. К тому же еще заручились мнением и русского посла, который к предложению в такой форме отнесся вполне сочувственно. Если принять во внимание характер этих предварительных переговоров, то германская точка зрения на лондонскую конференцию получит тем большее оправдание: это была попытка тройственного согласия передать австро-сербский спор для разбора на суд европейских держав, вернее сказать — на свой собственный суд. Конечно, никто не мог думать, что немецкий член конференции будет иметь какое-либо серьезное значение против настроенных в русско-сербском духе представителей Англии и Франции и против итальянского делегата. Эта затея вообще не обещала беспристрастного обсуждения вопроса, тем более в такой момент, когда Россия уже делала широкие военные приготовления. Дело, несомненно, только затянулось бы, тем более, что Поль Камбон считал наиболее существенным — выиграть время, путем посредничества в Вене. Австро-Венгрия же, напротив, была заинтересована в быстром и определенном улажении инцидента. Было бы крупным ущербом интересам нашего союзника, если бы мы стали участвовать в таком третейском суде, как с полным основанием назвал эту конференцию статс-секретарь фон Ягов, пока Австро-Венгрия сама не желала вмешательства держав в свои разногласия с Сербией. Упрекать нас можно было бы лишь в том случае, если бы мы вообще отказались от всякого посредничества. Но мы сделали нечто совершенно противоположное, как показывают наши настойчивые шаги в Вене и телеграммы германского императора царю. Сам Грей отказался от своей мысли о конференции, когда мы наладили непосредственный обмен мнениями между Веной и Петербургом, ко-

торый он определенно обозначил, — что особенно следует подчеркнуть, — как наилучший из всех возможных путей ¹⁾. Мало того, противная сторона не должна была бы замалчивать, что и в Петербурге непосредственные переговоры с Венной предпочитали конференции послов ²⁾. Когда позднее Грей снова предложил посредничество четырех держав между Россией и Австро-Венгрией, мы не только на это согласились, но стали самым решительным образом действовать в Вене в пользу его принятия. Таким образом со стороны Германии не было сделано в этом отношении никаких упущений. Если мы, учитывая положение нашего союзника, не сделали тотчас достоянием всего мира сведения о том сильном давлении, которое мы на него производили, то к такой сдержанности мы были тем более обязаны, что ничего не было известно о подобных же настойчивых шагах противоположной стороны в Петербурге. Во всяком случае разница была несомненная. Англия не воспользовалась своим громадным влиянием в Петербурге, чтобы создать почву для посредничества, или употребила его в далеко недостаточной мере. Она упустила наиболее существенное, именно: фактическую приостановку военных приготовлений.

27 июля император возвратился из путешествия на север. Я ему посоветовал предпринять это путешествие, чтобы избежать шума, который могла вызвать отмена с давних пор ежегодно предпринимавшейся в этом месяце поездки. Французская печать склонна изображать дело так, что с возвращением императора повеяло сразу более резким ветром. В своих непрерывных личных сношениях с государем я ничего подобного не чувствовал. Наоборот, он не хотел упустить

¹⁾ «Синяя книга» № 67.

²⁾ «Оранжевая книга» № 32.

ни одного шага, способного содействовать сохранению мира. Наше сильное давление на Вену вполне соответствовало его глубочайшим убеждениям; попытка личного воздействия на царя и английского короля возникла исключительно по личной его инициативе. Конечно, ему хорошо были известны как слабость и непостоянство царя, так и ограниченное конституцией значение короля Англии, при котором действительное влияние на дела могла оказывать только особенно сильная личность. Но он не хотел оставить неиспытанным ни одного пути. Ему — глубоко и страстно преданному идее мира — было совершенно непонятно, как его родственники на русском и английском тронах могут не быть проникнуты таким же чувством ответственности и не стремиться сделать все возможное для предупреждения мировой катастрофы. Его слова и в самом деле заставили царя задуматься. Они побудили последнего, как нам теперь известно из процесса Сухомлинова, отдать распоряжение о приостановке исполнения отданного уже приказа о всеобщей мобилизации. Однако высшие военные власти не послушались, хотя и лгали ему, что его приказы выполняются. Утром 31 июля генералы Сухомлинов и Янушкевич, при содействии Сазонова, окончательно убедили царя в необходимости мобилизации. Насколько мне известно, Сазонов не возражал против этих показаний.

На основании тех выводов, которые мы сделали из русской всеобщей мобилизации, враги наши утверждают, что мы вызвали войну и являемся ее виновниками. Есть и немцы, которые стали на эту точку зрения наших врагов. Другие немцы, как известно, держатся мнения, что не было необходимости требовать отмены русской мобилизации и объявлять войну, когда наше требование не было выполнено.

Для русской общей мобилизации можно допустить только три разумных основания: или это был со стороны России просто блёф, т.-е. она желала произвести эффект, надеясь

этим побудить центральные державы к уступчивости; или она считала себя в угрожаемом положении; или, наконец, определенно хотела войны. Иных возможных объяснений, как мне кажется, нет.

Первое из них может допустить лишь тот, кто полагает, что г. Сазонов не уяснил себе вполне последствий русской мобилизации. Но этому противоречат все известные обстоятельства. Уже 26 июля я дал поручение графу Пурталесу поставить на вид, что подготовительные военные меры со стороны России принудят нас к ответным мероприятиям, т. е. к мобилизации армии. Мобилизация же равносильна войне. Граф Пурталес выполнил это поручение немедленно и не пропускал ни одного дня, чтобы не напоминать русскому министру, какая ужасная ответственность ложится на его совесть за эти подготовительные к мобилизации меры. 29 июля я повторил предостережение и подчеркнул, что дальнейшее развитие подготовки к мобилизации в России заставит Германию также мобилизоваться и что тогда европейская война станет неизбежной. Точно также английское и французское правительства не оставляли г. Сазонову никакого сомнения относительно их мнения о мобилизации, — к сожалению, не произнося того слова, которое могло бы приостановить мобилизацию. 25 июля сэр Бьюкенен выразил г. Сазонову «серьезную надежду на то, что Россия своей мобилизацией не вызовет преждевременной войны», и «сделал все возможное, чтобы призвать министра к осторожности, предупреждая, что если Россия начнет мобилизоваться, Германия не будет довольствоваться одной мобилизацией и не даст России время закончить свою, но, вероятно, тотчас объявит войну» ¹⁾. Французское правительство, правда, не так ясно, но все-таки достаточно определенно «полагало, что было бы уместно, если бы Россия, принимая свои меры предосторож-

¹⁾ «Синяя книга» № 17.

ности и обороны, не делала при этом таких распоряжений, которые дали бы Германии повод к общей или частичной мобилизации ее военных сил» ¹⁾. Затем, надо предполагать, г. Сазонов был осведомлен о том, что было установлено в порядке высочайшего повеления, за подписью самого царя. А русский указ о мобилизации от 30 июля 1914 г. ²⁾ гласит: «Высочайше повелевается об'явление мобилизации одновременно с тем считать за об'явление состояния войны с Германией». В качестве общей задачи войск северо-западного фронта указ этот устанавливает: «По окончании концентрации войск переход их в наступление против вооруженных сил Германии с целью перенести войну на германскую территорию». Впоследствии утверждали, что указ этот был отменен. Во всяком случае он доказывает, что в Петербурге отдавали себе полный отчет о значении мобилизации. Допустить недостаточную осведомленность г. Сазонова, таким образом, невозможно, и теория блёфа тем самым отпадает.

Мобилизовалась ли Россия потому, что она сама чувствовала себя под угрозой? Вспомним различные сроки мобилизации. 25 июля мобилизовалась Сербия, в ответ на австрийский ультиматум. Того же 25 июля русский совет министров в присутствии царя постановил «приступить к мобилизации 13-ти армейских корпусов, предназначенных для операций против Австрии». Эта частичная мобилизация являлась, собственно, всеобщей по отношению к австрийскому фронту и подлежала выполнению в том случае, «если бы Австрия выступила вооруженными силами против Сербии». Министр иностранных дел был уполномочен «определить время начала мобилизации». Таким образом Россия уже с первого момента решила оказать помощь Сербии, по крайней мере, путем мобилизации против Австрии, и, что особенно замечательно,

¹⁾ «Желтая книга» № 117.

²⁾ В подлиннике сказано: «30 сентября 1912 г.», но это, повидимому, опечатка. *Прим. ред.*

проведение этой военной меры поручила министру иностранных дел ¹⁾. Г. Сазонов выполнил постановление совета министров 29 июля, после того как днем раньше — 28 июля в Австро-Венгрии, одновременно с об'явлением войны Сербии, издан был приказ о частичной мобилизации, направленной, впрочем, исключительно против последней. Соотношение сил мобилизованных 29 июля войск было таково, что 24 австрийских дивизии стояли против 39-ти русских и 15-ти сербских, в общем, следовательно, против 54-х дивизий. Русско-сербские военные силы, таким образом, более чем вдвое превосходили австрийские. До об'явления всеобщей мобилизации в России соотношение сил, по крайней мере с германской и австрийской стороны, не изменилось. Утверждать при таком положении вещей, что Россия приступила к приведению всех своих сил в боевую готовность, распоряжение о чем было отдано самое позднее 30 июля, из опасения повисшей над ней военной угрозы, — нелепо. Г. Сазонов сообщил о всеобщей мобилизации через французского посла в Париж, ссылаясь на «общую мобилизацию Австрии и на носящие характер мобилизации тайные, но уже в продолжение шести дней ведущиеся непрерывные военные приготовления Германии» ²⁾. Такое же сообщение было направлено через английского посла в Лондон ³⁾, хотя и в менее сильных выражениях. То и другое неверно. Приказ об общей мобилизации был расклеен на улицах Петербурга уже рано утром 31 июля, в то время как австрийская мобилизация была об'явлена 31 июля только около полудня, следовательно во всяком случае по прошествии нескольких часов после расклейки приказа о русской мобилизации и, по крайней мере, спустя ночь после отдачи о ней распоряжения. Точно также лживо утверждение, будто Германия в течение шести дней, т. е. с 25 июля, тайно

¹⁾ «Желтая книга» № 50.

²⁾ Там же, № 118.

³⁾ «Синяя книга» № 113.

занималась непрерывным приведением себя в боевую готовность. Мы только принимали такие же меры, как и другие страны, отчасти даже в меньшем размере. Мы отозвали свой флот из норвежских вод, равно как и Англия не распустила свою обычно расходившуюся после маневров эскадру. Так же как и во Франции, у нас были стянуты из лагерей и с маневров войска. В некоторых наших армейских корпусах были приостановлены отпуска; Франция же совершенно прекратила их выдачу уже с 27 июля. «Секретные» мобилизации, может быть, возможны в обширной России, но в Германии, как это прекрасно известно русским военным, они совершенно невыполнимы. Сотни тысяч людей, тысячи лошадей и повозок в стране с такими путями сообщения, как Германия, нельзя мобилизовать «секретно»¹⁾.

Отсюда следует, что русское правительство обосновало свой приказ о мобилизации ложными фактами, и нельзя допустить, что оно несознательно воспользовалось неверными данными, ссылаясь на вымышленную австрийскую мобилизацию. Едва ли что другое могло бы резче обрисовать действительные мотивы петербургских властей, чем эта лживость.

¹⁾ Только значительно позже, уже во время войны, вспомнили в Петербурге экстренный послеобеденный выпуск «Berliner Lokalanzeiger» от 30 июля, который напечатал неверное сообщение о мобилизации немецкой армии. Немедленно произведенное официальное расследование показало, что газета эта переусердствовала, во всяком случае из определенно недобросовестных деловых соображений. Статс-секретарь фон Ягов тотчас информировал по телефону русского посла и его французского и английского коллег о том, что это сообщение ложно, и г. Свербеев препроводил это опровержение непосредственно в Петербург. Если бы это ложное сообщение «Lokalanzeiger» повлияло на решение русского правительства, то об этом были бы указаны в различных дипломатических книгах, именно в упомянутых уже телеграммах французского и английского послов своим правительствам. Но по поводу данного происшествия последние не обмолвились ни единым звуком.

Но если ни с чем несообразно говорить о прямой военной опасности, угрожавшей России, то тем менее имеют основание распорядители судьбами России утверждать, будто поведение нашей дипломатии документально устанавливает наши воинственные намерения. Г. Сазонов неоднократно слышал от нашего посла, что мы оказываем сильное посредническое воздействие на Вену; он хорошо знал также буквальный смысл телеграммы германского императора к царю. Даже крайняя подозрительность могла бы заподозрить с нашей стороны притворство лишь в том случае, если бы наши злые намерения обнаружили в каких-нибудь действиях. Но их-то как раз и не было. Если русское правительство не имело основания ссылаться на германские или австрийские военные мероприятия, то тем более нельзя ссылаться на приготовления невоенного характера. Не без основания некоторые немецкие круги ставят в упрек германскому правительству именно то, что оно таких приготовлений не сделало. Утверждение, будто Россия мобилизовалась потому, что считала себя в опасности, просто выдумка, которую нельзя доказать никакими фактами.

В таком случае даже для наиболее недоверчиво настроенного критика остается возможным только третье объяснение: Россия мобилизовалась, потому что она желала войны. Резюмируем еще раз решающие моменты: русская мобилизация была объявлена,—несмотря на то, что Вена склонялась к непосредственным переговорам по поводу сербского конфликта с Петербургом, приняла посредничество Грея, гарантировала неприкосновенность Сербии и собиралась ограничиться лишь временной оккупацией сербской территории (что даже Англия признавала допустимым),—несмотря на то, что Австрия мобилизовала только части, назначавшиеся против Сербии, а Германия еще и совсем не приступила к мобилизации. Итак, когда утром 31 июля телеграф принес весть о русской мобилизации, мы имели основания быть уверенными, что Россия

во что бы то ни стало желала войны. Последовавшие затем разоблачения относительно общих планов Сазонова, а также о событиях, сопровождавших русскую мобилизацию, исключают теперь, как мне кажется, не только всякие сомнения, но вдвойне и втройне подтверждают, что мы были тогда совершенно правы. Правы и в том, что уже не придавали значения — в смысле влияния на действительный ход петербургских решений — торжественному обещанию царя не допускать во время затягивавшихся переговоров с Австрией своим войскам предпринимать какие-либо вызывающие действия ¹⁾.

Относительно формального решения вопроса у нас не было полного единодушия. Военный министр фон-Фалькенгейм считал объявление войны России ошибкой, не потому, что полагал возможным избежать ее после русской мобилизации, но потому, что опасался вредных политических последствий. Начальник генерального штаба, генерал фон-Мольтке, был, напротив, за объявление войны, так как наш план мобилизации, рассчитанный на войну на два фронта, предусматривал немедленный переход к военным операциям, и так как наши планы в борьбе с противником, имевшим огромный численный перевес, зависели исключительно от быстроты наших действий. Я присоединился к взгляду последнего. Конечно, я должен был предвидеть, какое значение будет иметь объявление войны нами при решении вопроса о виновниках ее. Но в такой момент, когда само существование страны зависело исключительно от успешности военных действий, нельзя было возражать против совершенно неоспоримых военных доводов генерала, несшего ответственность за все боевые операции. Единодушие немецкого народа не было нарушено объявлением войны России.

¹⁾ Телеграмма царя германскому императору от 31 июля, «Белая книга», введение.

Как известно, с другой стороны, нам делали упрёки в совершенно противоположном направлении. Запоздавшая мобилизация и запоздалое начало войны будто бы причинили нам невозместимый ущерб. Представляло ли ускорение событий на два-три дня значительную военную выгоду, — об этом могут судить только военные авторитеты. Но что мы проиграли войну, — к чему собственно и сводится весь вопрос, потому что не начали ее на несколько дней раньше, — этого не станет утверждать ни один здравомыслящий человек. Подобным же образом можно возразить и на другой упрек, что мы недостаточно подготовили войну в экономическом и финансовом отношении и плохо провели ее — в политическом. По существу эти замечания, как уже указано, не лишены основания. Как свидетельствует опыт войны, Германия должна была заранее заготовить огромные запасы хлеба, фуража и сырых материалов. Что этого давно не было сделано — неоспоримое упущение, но в короткое время нельзя уже было пополнить этот пробел. В самом деле, каким образом при невероятно быстром развитии кризиса могли бы мы провести мероприятия, которые сколько-нибудь заметно облегчили бы наше положение в продолжение четырех лет войны? Вывоз некоторого количества хлеба из страны и отправка нескольких, хотя бы и очень значительных судов, несмотря на сопряженный с этим убыток, так же мало способствовали проигрышу войны, как мало способствовал бы ее выигрышу ввоз того количества зерна, которое в июле 1914 г. мы еще могли получить. По сравнению с предъявленными нам войной чудовищными требованиями — это не могло иметь решающего значения. Мне не совсем ясно, как можно вообще инсценировать настоящую оборонительную войну. Даже самое искусное режиссерство, на которое я, признаться, и не способен, не в состоянии было бы избежать таких действий, которые могли быть — и у нас наверное были бы — истолкованы, как проявление агрессивных тенденций. Такая фикция не только

противоречила бы истине, но могла бы представить роковую опасность для нашей внутренней сплоченности. Избегать и того и другого при всяких обстоятельствах я считал наивысшим законом. 4 августа показало, что мое отношение было не совсем неправильным.

Роль Франции в великой трагедии 1914 г. была predeterminedена ее союзом с Россией и мыслью о реванше, окрылившей ее вновь, благодаря режиму Пуанкаре. Россия, тесно примкнувшая к Сербии при самом зарождении сербского кризиса уже с готовым решением активного сотрудничества, получила, без сомнения, от Франции немедленные заверения в неограниченной союзнической верности и содействии. Ведь уже 24 июля сербский посол в Петербурге мог с торжеством заявить нашему послу, что, как последний скоро убедится, в порядке дня стоит не австро-сербский, но всеевропейский вопрос. Это являлось, конечно, определенным отзвуком русских настроений, и сам г. Сазонов не смел бы говорить с Веной в таком вызывающем тоне, если бы ему приходилось опасаться неодобрения Парижа. Фактически нельзя усмотреть никаких признаков стараний Франции умерить усердие России. Первоначальная склонность заместителя Вивиани — признать требования Австрии об удовлетворении со стороны Сербии — немедленно обратилась, благодаря телеграмме министра-президента Вивиани, проездом из Петербурга находившегося в Ревеле, в решение определенно стать на сторону Сербии.

Недоброжелательство выражалось с самого начала в неустанном старании Франции внушить подозрение к честности наших мирных намерений и в пропагандировании взгляда, будто мы выдвигаем сербский инцидент с исключительной целью напасть на Францию. Ловкими диалектическими приемами г. Жюль Камбон в своих донесениях поддерживал ложное мнение, будто подстрекатели войны сидят в Берлине. Попытки, предпринятые нами в Париже в целях побудить к успокаивающему воздействию на союзную Россию, не только

встречались с недоверием, но немедленно в искаженном виде передавались в печати. Видимо, в Париже были озабочены, как бы не скомпрометировать себя перед союзником связью с германской дипломатией, не приобрести репутации плохого товарища и не перепутать русского партнера.

Одновременно с тем французский кабинет поставил своей главной задачей подготовить вступление Англии в войну. Английские и французские документы рисуют яркую картину упрямого упорства, проявленного г. Полем Камбоном (французским послом в Лондоне) в его переговорах с сэром Эдуардом Греем. Хотя в этих переговорах Грей до последнего момента поддерживал ту фикцию, будто Англия ничем не связана в своем поведении, он все же так мало обескуражил г. Камбона, что последний в конце концов смог забрать английского дипломата в свои руки. 1 августа Франция добилась заверения, что английский флот будет препятствовать проходу германских судов через канал и защищать французское побережье от немецких нападений. С этого момента сделку можно считать состоявшейся. Англия окончательно отказалась от своего нейтралитета и бесповоротно утратила свою свободу. Франция достигла того, чего хотела.

Французский кабинет пользовался в своих домогательствах помощи Англии еще одним средством, ярко характеризующим его общее поведение во время кризиса. Это — лживость, другого слова нельзя подобрать для изображения действительных событий. Не только г. Вивиани, но и сам г. Пуанкарэ постоянно утверждали, что общая русская мобилизация является следствием всеобщей мобилизации австрийской ¹⁾. А между тем о русской мобилизации уже рано утром 31 июля расклеивали извещения на улицах Петербурга, в то время как Австрия лишь несколькими часами позже приняла решение мобилизоваться: это (как уже упоминалось

¹⁾ См. «Синяя книга» № 134 и «Желтая книга» № 127.

нами) нужно считать вполне установленным. Точно также искажали правду французские государственные деятели и относительно военных мероприятий Германии. 29 июля я поручил нашему послу в Париже, барону фон Шену, поставить французскому правительству на вид, что непрерывные военные приготовления Франции вынудят и нас прибегнуть к мерам оборонительного характера: мы должны будем объявить страну в состоянии, угрожаемом войною, что еще не означает мобилизации, но, несомненно, увеличит напряженность положения. Мы, впрочем, все еще надеялись на сохранение мира ¹⁾. Г. Вивиани в своей телеграмме г. Полю Камбону искажает это заявление и сообщает, будто мы намерены вскоре объявить себя в положении, угрожаемом войной, и под прикрытием этой ширмы в действительности уже начали свою мобилизацию ²⁾. 1 августа г. Вивиани выражает г. фон Шену — в ответ на его сообщение о немецкой мобилизации — свое изумление по поводу того, что Германия предпринимает такую меру в тот момент, когда все еще продолжается дружеский обмен мнений между Россией, Австрией и державами ³⁾. Следовательно, Вивиани признает, что дипломатия еще работает с надеждой на успех, но обвиняет Германию в умышленном препятствовании этой работе, хотя ему хорошо известно, что дипломатические переговоры происходили прежде всего в результате воздействия Германии и что именно Россия прервала их своей мобилизацией. Если даже сам царь в своей телеграмме германскому императору от 29 июля заявлял об опасении, что военные приготовления, к которым желают принудить его окружающие, могут повести к войне ⁴⁾, и если сэр Эдуард Грей 30 июля видел единственную, хотя и очень слабую надежду на сохранение мира в приостановке русских

1) «Белая книга», приложение, № 17.

2) «Желтая книга» № 127.

3) Там же, № 125.

4) «Белая книга», приложение № 21.

военных приготовлений ¹⁾, то тем более нельзя допустить, что г. Вивиани мог не понять значения русской мобилизации, по отношению к которой немецкая являлась лишь ответом.

Наконец, крайне странным представляется заявление г. Вивиани 31 июля в семь часов вечера, когда барон фон Шен вручил ему ноту о нашем ультиматуме России, будто он не имел никаких сведений о русской мобилизации. Эта странная неосведомленность просто непонятна.

Дело, которое требует искажения истины, не может быть правым. Но цели, которые французский кабинет преследовал своей тактикой, не возбуждали никаких сомнений. Нужно было во что бы то ни стало, не пренебрегая и нечистыми средствами, произвести впечатление, будто русская всеобщая мобилизация была провоцирована центральными державами. Такого рода политика поддерживала усилия французской дипломатии в Англии, но больше всего нужна была в своей собственной стране. Ради Сербии французский крестьянин и рабочий не стали бы воевать, и за тяготение России к Константинополю французская кровь была тоже слишком дорогой ценой. Ярые шовинисты, наверное, не постеснялись бы в июле 1914 г. ринуться в войну из-за Эльзас-Лотарингии, но сам французский народ вряд ли бы выразил свое согласие на это. Как ни глубоко вкоренилась мысль о реванше, все же ее одной было недостаточно, чтобы вызвать агрессивную войну. Насколько я знаю, Париж — единственная столица, на улицах которой в июле 1914 г. происходили демонстрации против войны. В пункте 8 декларации Вильсона заключается одна верная мысль, что Эльзас-Лотарингия в продолжение 50 лет держала под вопросом всеобщий мир. Потерянные Францией провинции не давали международной атмосфере притти в покойное состояние. Они поддерживали длительное предгрозовое настроение. Но гроза должна была разра-

¹⁾ «Синяя книга» № 103.

зиться с другой стороны. Страстными застрельщиками оказались русские правящие сферы, французские же — сочувственно прислушивались к ним. Поэтому и приходилось убеждать французский народ, что коварно нападающей стороной являемся мы. Это должно было поддержать ту удивления достойную энергию, которую Франция проявила в грозные годы войны.

Хотя война надвигалась на Германию с востока, но именно на западе положение ее оказалось всего более трудным. Когда на наш запрос мы получили от французского кабинета известный ответ, что Франция поступит так, как ей подсказывают ее интересы, нам не оставалось другого выбора, как объявить себя в состоянии войны с нею. Таким образом мы оказались наступающей стороной, хотя и считали себя вправе ссылаться на агрессивные действия французских войск ¹⁾. Не думаю, чтобы можно было избежать

¹⁾ В объявлении Германией войны перечисляются различные нарушения французами границ и аэропланные налеты. Сведения о нападении летчиков в некоторых из перечисленных случаев оказались неверными. Но нет сомнения, что первые нарушения границ произведены были со стороны французов и что уже 2 августа, за целый день до объявления войны, французские войска стояли на германской территории. С целью разжигания страстей во Франции французский министр иностранных дел опубликовал в 1918 г. часть нашей инструкции от 31 июля 1914 г. В ней поручается германскому послу в совершенно невероятном случае объявления французским правительством своего нейтралитета потребовать в залог крепости Туль и Верден. Как известно, эта часть инструкции не была приведена в исполнение и, следовательно, вообще не дошла тогда до сведения французских властей. А потому вопрос о залогах не имел никакого влияния на ход событий. Если бы Франция действительно объявила свой нейтралитет то мы должны были бы считаться с тем обстоятельством, что французская армия под видом его могла бы закончить свои приготовления и затем, когда мы далеко на востоке были бы заняты военными операциями, в удобный момент напасть на нас. Против этого мы должны были иметь солидные гарантии. По мнению военных авторитетов,

такого положения. Быстрота военных решений, к которым принуждала нас русская мобилизация, не представляла нам возможности занять выжидательную позицию в своих боевых операциях против Франции и не давала вообще времени для таких дипломатических шагов, которые могли бы улучшить в этом отношении наше положение. Как это свойственно существу всякого нападения, нападающая сторона — Россия — диктовала нам наше поведение.

Нашему вступлению в Бельгию часто приписывается решающее значение для всего хода всемирной катастрофы. При рассмотрении именно этого вопроса необходима особая объективность как с нашей стороны, так и со стороны врагов.

Наши военные имели, как я давно уже знал, только один военный план, базирующийся на вполне верном и теперь оправдавшемся предположении, что предстоящая Германия война должна будет вестись на два фронта. Военный план состоял в следующем: наивозможно быстрое наступление на западе; в первое время его проведения — оборонительная тактика на востоке и только после удачи западного наступления — переход в наступление в большом масштабе и на востоке. Только такая стратегия представляла возможность преодолеть численный перевес врагов. Однако для удачного проведения наступления на западе настоятельно требовался, по мнению военных, поход через Бельгию. Политические и военные соображения вступали в этом вопросе в резкое столкновение. Несправедливость по отношению к Бельгии была явная, и обще-политические последствия ее ясно можно было себе представить. Начальник генерального штаба, генерал

занятие на время войны крепостей Туля и Вердена являлось бы в этом отношении достаточным. Эти военные соображения приходилось иметь в виду при составлении инструкции для нашего посла.

фон-Мольтке, не мог с этим не согласиться, но указал на абсолютную неизбежность этого с военной точки зрения. Я принужден был примкнуть в своем мнении к нему. Для всякого сколько-нибудь трезво рассуждающего наблюдателя страшная опасность войны на два фронта была так ясна, что критиковать с гражданской точки зрения военный план войны, со всех сторон продуманный и признанный необходимым, значило бы взять на себя слишком большую ответственность: в случае военной неудачи единственной причиной ее считалось бы расстройство этого плана. В настоящее время военные круги обсуждают вопрос, не правильнее ли была бы с самого начала обратная стратегия. Решать это — не мое дело. Но, как мне кажется, опыт нашего польского похода в 1915 г. не дает основания думать, что отношение России к нашему наступлению летом 1914 г. дало бы нам возможность успешно отразить неизбежное наступление французов. Тем более подобные соображения не могли побудить меня в 1914 г. взять на себя ответственность, оспаривая единственный представленный мне военными авторитетами план.

Итак, ультиматум Бельгии был политическим выполнением решения, признанного необходимым с военной точки зрения. 4 августа я открыто сознался в причиненной нами несправедливости, но одновременно характеризовал наше положение, как безвыходное, тем самым искупающее нашу вину, — и эти слова я готов повторить и теперь. Отрицать безвыходность нашего положения может только тот, кто с определенным умыслом не желает видеть тогдашней военной обстановки; но и оспаривать причиненную нами несправедливость — нет достаточно веских оснований. Мнение, что мы могли сослаться на устаревшие и потерявшие силу договоры о крепостях, не выдерживает критики. То была бы дипломатическая уловка, и действие ее не длилось бы свыше одного дня. О каких-нибудь нарушающих нейтралитет действиях Бельгии нам 4 августа ничего не было известно.

Документы, обнаружившие, что бельгийские и английские военные в 1906 г. вели переговоры о военном использовании Бельгии, были найдены только во время войны. Предположим даже, что мне было бы известно содержание этих документов в момент начала военных действий: разве кто-нибудь поверит, чтобы Бельгия по их пред'явлении разрешила бы нам проход, или что на основании их я мог бы убедить мир в нашем праве пройти по ее территории? Да, эти документы компрометируют Бельгию; но если бы они даже компрометировали ее гораздо больше, чем это есть в действительности, они нас только освободили бы от обязательства соблюдать гарантии нейтралитета 1839 г. Ни до, ни после их обнаружения мы не имели права врываться в эту страну, но все равно должны были бы, если бы она не подчинилась нашим требованиям, применить насилие, как мы это и сделали, т.-е. объявить ей войну. Какую малую убедительную силу имели, между прочим, эти документы, — установлено на практике. Мы опубликовали их, как только нашли в Брюсселе. Но я не заметил, чтобы пропаганда врагов потерпела от этого сколько-нибудь заметный ущерб. Неизмеримый вред, причиненный будто бы Германии моей речью 4 августа (между прочим, никто не возражал на нее), существует, мне кажется, только в воображении тех, кто в моих словах видел средство борьбы против меня.

А тем временем враждебная пропаганда работала, пуская в ход безграничные преувеличения и даже подделки. Италия и Румыния под ничтожными предлогами отказались от своих союзных обязательств и, когда мы оказались в самом стесненном положении, объявили нам войну. Сделали они это не потому, что их существованию угрожала опасность, но под давлением Антанты и из жадности к добыче. И их восхваляли и превозносили за это, как благородных борцов за право и справедливость; напротив, нас клеймили, как преступников, потому что в борьбе за свое существование мы

потребовали пропуска через Бельгию, не обращая внимания на то, что мы гарантировали при этом полную неприкосновенность ее и возмещение ей всех причиненных нами убытков. Нельзя себе вообразить более резкого противоречия.

Негодование по поводу нарушения договора, под флагом которого Англия приняла участие в этой войне, мало соответствует, как известно, данным английской истории. Как раз по вопросу о нейтралитете Бельгии английские государственные деятели на тот случай, если бы были затронуты британские интересы, придерживались совсем другого и весьма своеобразного взгляда. Английской публике, охваченной в настоящее время глубочайшим негодованием, было бы не бесполезно ознакомиться с этим ¹⁾.

Однако, больше чем на факты прошлого, следует обратить внимание на явления современные. Собственные признания сэра Эдуарда Грея показывают, что вовсе не бельгийский нейтралитет побудил Англию принять участие в войне. О своей беседе с нашим послом князем Лихновским от 29 июля он сообщает следующее:

«Окончив сегодня после полудня беседу с германским послом об европейском положении, я прибавил, что желал бы ему совершенно частным и дружеским образом сказать нечто, что меня очень беспокоит. Положение — серьезное. Пока все ограничивалось возможностями, которые имеют место в настоящее время, мы не думали вмешиваться. Но если

¹⁾ Ср. заявления лорда Пальмерстона в Нижней Палате 8 июня 1855 г., Гладстона — 12 августа 1870 г. там же, а в особенности письмо «Дипломатикуса» в Штандарте от 4 февраля 1887 г. Правда, английское правительство в своих декларациях от 19 января и 14 марта 1917 г. оспаривает, что это письмо действительно отражает взгляды тогдашнего правительства лорда Сольсбери, но найденные в бельгийских архивах документы, которых, к сожалению, нет сейчас в моем распоряжении, дают убедительное доказательство, что это все-таки именно так.

будет вовлечена Германия, а затем Франция, то последствия могут быть столь велики, что затронут все европейские интересы. Я не желал бы, чтобы дружеский тон наших бесед, который, будем надеяться, не изменится, заставил бы его ошибочно предполагать, что мы останемся в стороне... Не могло бы быть и речи о вмешательстве с нашей стороны, если бы не была замешана Германия и, пожалуй, еще Франция. Но он должен понять, что если дело примет такой оборот, при котором интересы Британии потребуют нашего вмешательства, оно должно будет последовать немедленно, и решение будет принято очень быстро, как решение и других держав... ¹⁾».

Таким образом ни слова о Бельгии. Но что интересы Англии могут потребовать участия в войне, если Франция будет в нее вовлечена, об этом Грей говорит так ясно, как того только допускает дипломатический способ выражения. С формальной точки зрения он оставляет за собою свободу действий, учитывая впечатление в парламенте и общественное мнение, но по существу он, видимо, уже решился. Весьма показательными в смысле того и другого являются также его беседы с французским послом 29 и 31 июля ²⁾).

Грей сказал г. Камбону: «Мы еще не решили, что делать в случае вовлечения Германии и Франции в войну: об этом следует еще подумать. Франция в таком случае оказалась бы вовлеченной в войну, которая не была бы ее собственной, но участвовать в которой она была бы вынуждена в силу своих союзных обязательств, своей чести и своих интересов. Мы свободны от обязательств, и нам предстояло бы решить, что предпринять в интересах Британии. Я считал необходимым сказать это, потому что и мы, как известно, принимаем уже все меры предосторожности относительно нашего флота, и я имею в виду предупредить князя Лихновского, чтобы он не

¹⁾ «Синяя книга» № 89.

²⁾ Там же, №№ 87 и 119.

рассчитывал на нашу безучастность. Однако было бы неправильно с моей стороны, если бы я допустил, чтобы у г. Камбона сложилось ошибочное предположение, будто это означает, что мы уже решили, что нам делать, в случае наступления конфликта, который, как я надеюсь, еще можно предотвратить».

И затем 31 июля:

«До сего времени ни мы, ни общественное мнение не замечали, чтобы были затронуты какие-либо договоры или обязательства нашей страны. Дальнейшее развитие событий может изменить положение и склонить правительство, а также парламент к мнению, что имеются основания для нашего вмешательства... Г. Камбон повторил свой вопрос, думаем ли мы помогать Франции, если Германия нападет на нее. Я сказал, что могу только остаться при своем прежнем ответе, что мы при настоящем положении дел не можем брать на себя никаких обязательств... Кабинет, несомненно, займется этим вопросом, как только наступит новый оборот событий; но в настоящую минуту единственный ответ, который я могу дать, это — что мы не можем взять на себя никаких окончательных обязательств».

Затем весьма выразительное заявление в той же самой беседе:

«Соблюдение нейтралитета Бельгии может быть не хочу сказать — решающим, но весьма важным фактором в смысле определения нашего поведения».

Вполне ясен, наконец, смысл беседы сэра Эдуарда Грея с князем Лихновским 1 августа. Грей сам передает ее в следующих словах:

«Он спросил меня, обязуемся ли мы оставаться нейтральными, если Германия обещает не нарушать бельгийского нейтралитета. Я ответил, что сказать этого не могу; наши руки все еще свободны, и мы еще думаем о том, каково будет наше поведение. Все, что я мог бы сказать, это то, что наше по-

ведение зависит от общественного мнения и что в этом отношении соблюдение нейтралитета Бельгии могло бы оказать на него весьма сильное влияние. Я не думаю, что мы можем обещать оставаться нейтральными исключительно на основании этого условия. Посол настойчиво допытывался, могу ли я перечислить условия, при которых мы останемся нейтральными. Он даже намекал на то, что могла бы быть гарантирована неприкосновенность Франции и ее колоний. Я сказал, что считаю себя обязанным решительно отказать ему в обещании нейтралитета на таких условиях и только могу заявить, что у нас руки должны быть свободными» ¹⁾.

Можно было бы привести еще много доказательств. Позволим себе упомянуть здесь только еще одно. 1 августа сэр Эдуард Грей заявил французскому послу, что он потребует в кабинете министров декларации, что английский флот окажет сопротивление, в случае попытки прохода германских судов через канал, а также всякой демонстрации у французского побережья. Утром 2 августа это заявление стало официальным, и тем самым наступило состояние войны между Англией и Германией. К этому времени мы, однако, еще не успели пред'явить нашего ультиматума Бельгии.

Не из-за Бельгии вступила Англия в войну, но потому, что — формально свободная — она чувствовала себя морально связанной с Францией, а также потому, что считала нужным в интересах Британии простереть над Францией свою охраняющую руку. Беспристрастный исследователь не может прийти к другому заключению, даже если он совсем оставит в стороне то обстоятельство, что влиятельные английские круги вообще весьма сочувственно относились к участию в борьбе с Германией. Наше нарушение бельгийского нейтралитета было лишь предлогом к войне; оно повлияло на окончательное решение Англии, быть может, лишь в смысле

¹⁾ «Син-я книга» № 123.

ускорения его и во всяком случае представляло правдоподобное объяснение для английского народа. Между прочим, сам сэр Эдуард Грей в своей большой речи, произнесенной в Нижней Палате 3 августа 1914 г., говорил о событиях в Бельгии лишь как о части общей проблемы, что вполне соответствует истине. В тот момент он еще не был осведомлен о нашем ультиматуме. Он мог, следовательно, говорить о нарушении бельгийского нейтралитета только предположительно. Но он был вынужден сообщить об обмене письмами в ноябре 1912 г. и теперь прилагал все старания, чтобы доказать, что у Англии, несмотря на эту переписку, руки еще не были связаны. Насколько дружба с Францией возлагает какие-либо обязательства на Англию, — говорил он, — пусть каждый решит сам, но со 2 августа существует обязательство — в смысле защиты французского побережья. Хотя это еще не равносильно объявлению войны, но имеет обязывающий характер на случай военных операций, направленных против французского судоходства. Что Англия не может оставаться нейтральной, он повторял в самых различных выражениях и в заключение сказал: «Если мы предпочтем придерживаться этого направления (т. е. соблюдать нейтралитет), говоря: мы не желаем ничего общего иметь с этим делом, несмотря ни на какие обстоятельства — ни на договорные обязательства по отношению к Бельгии, ни на возможность невыгодного для английских интересов положения в Средиземном море, наконец, не считаясь с тем, что может произойти с Францией, если мы ей откажем в поддержке, — то мы пожертвуем своим авторитетом, добрым именем и репутацией, не избегнув притом самых серьезных и тяжелых экономических последствий».

Но 6 августа получил слово весьма практичный в политических делах мистер Асквит: «Если меня спросят, за что мы воюем, то я отвечу двумя положениями: прежде всего, чтобы

исполнить торжественное международное обязательство» (под этим следует понимать бельгийский нейтралитет); «во-вторых, мы воюем в защиту принципа, что слабые национальности не должны быть подавляемы в нарушение международной чести и доверия волей какой-либо могучей державы, действующей из корыстных целей». Этой формулой определялись два фокуса, вокруг которых с тех пор послушно кружилась английская военная пропаганда. То была наиболее целесообразная в смысле простоты политическая математика, спокойно оставляющая в стороне все неукладывающиеся в нее элементы исторической действительности. Но Ллойд-Джордж — как раз тот человек, которого пламенное красноречие и необыкновенно тонкое знание психики английского народа сделали наиболее видным борцом за английскую легенду о войне, — в минуту увлечения откровенно высказал мысль, собственно предназначавшуюся лишь для интимного круга посвященных. 8 августа 1918 г. он сказал: «Мы имеем соглашение с Францией, что Об'единенное Королевство придет ей на помощь, если на нее будет произведено умышленное нападение». «Мы этого не знали», крикнул ему член Нижней Палаты м-р Хуг. «Если нападение на нее будет произведено умышленно», повторил Ллойд-Джордж. Один из членов Нижней Палаты опять крикнул: «Это для нас новость». Бывший член кабинета сэр Герберт Самуэль тотчас понял опасное значение этого сообщения и старался истолковать его в смысле версии Грея об обмене письмами в 1912 г. Ллойд-Джордж после этого смягчил свои слова: «Я полагаю, слово — соглашение — слишком сильно для обозначения того, что фактически произошло». Он еще раз прочитал письмо Грея и продолжал: «Я полагаю, слово *compact* (соглашение) было слишком сильным выражением в данной связи. Слово — *долг чести* (*obligation of honour*), думаю я, могло бы более верно, нежели слово соглашение, выразить то, что на самом деле имело место; во всяком случае это не было договором

(treaty)». Нет, безусловно нет! но это было поводом для вступления Англии в войну.

Лидеры оппозиции, бывшие в курсе дел, 2 августа 1914 г. называли вещи своими именами. Бонар Лоу писал тогда следующее в своем письме к Асквиту:

«Лорд Лэндсдоун и я считаем нашим долгом поставить вас в известность, что, по нашему мнению и по мнению всех коллег, с которыми мы имели возможность беседовать, было бы роковым для чести и безопасности Об'единенного Королевства, если бы при настоящих обстоятельствах мы медлили с оказанием поддержки Франции и России; мы предлагаем правительству не задумываясь нашу поддержку во всех мероприятиях, которые оно считает нужными для этой цели».

Следовательно, «честь и безопасность Об'единенного Королевства, поддержка Франции и России» — и ни слова о Бельгии!

Как мне кажется, этот ретроспективный взгляд, брошенный на прошлое, имеет значение большее, чем просто исторический интерес к действительному ходу событий. Для нас, немцев, суждение о вреде, причиненном нам нашим вторжением в Бельгию, сводится к правильности этого взгляда. Быть может, и за границей в будущем признают, что несправедливость по отношению к Бельгии, причиненная ей нами в процессе борьбы за существование, которую мы вели почти против всего мира, умышленно раздута врагами в преступление, чтобы, таким образом, лишить нас нашего места среди наций. Но если бы мы даже не совершили этой несправедливости, Англия все равно всей своей мощью и всем своим мировым авторитетом участвовала бы в травле против Германии. Современному поколению трудно судить, могут ли когда-либо исчезнуть и исчезнут ли следы, оставленные той ненавистью, которую особенно нагромождала вокруг нас Англия. Даже с церковной английской кафедры проповедывалось, что уби-

вать немцев — богоугодное дело, и еще дети и внуки наши будут чувствовать на своем теле последствия блокады, с дьявольской утонченностью проведенной Англией. Англия сама позаботилась о том, чтобы методы ведения войны продолжали оказывать свое действие даже тогда, когда по прошествии многих лет массовые могилы павших станут окутываться паутиной забвения и прощения. Ложь и клевета должны быть вырваны с корнем, если мы не хотим, чтобы надежда хотя бы на запоздалое примирение народов осталась навсегда несбыточной мечтой ¹⁾.

29 июля я сделал попытку выяснить с той откровенностью в выражениях, какой требовала серьезность положения, чего мы можем ожидать от Англии. Мой запрос, встреченный в Англии сильным нравственным возмущением, как предложение позорного характера, в действительности заключался в том, чтобы выяснить, останется ли Англия, в случае войны на два фронта, нейтральной. Предложенные мною обеспечения на случай соблюдения Англией нейтралитета были достаточно широки, чтобы рассеять у нее всякое опасение отно-

¹⁾ Вражеская пропаганда особенно использовала в своих выгодах донесение, сделанное сэром Эдуардом Гошеном английскому правительству о последней его беседе со мной («Синяя книга» № 160). Посол забывает упомянуть в своем докладе, что в начале беседы он предложил мне вопрос, не могу ли я дать на английский ультиматум иной ответ, нежели г. фон Ягов. Я ответил отрицательно. Тогда посол спросил, не могли ли бы мы, если война действительно окончательно решена, о чем он очень сожалеет, перед прощанием поговорить в совершенно частной и личной беседе о том ужасном положении, в которое поставлен мир. Я немедленно изъясил свое согласие и просил его присесть у моего стола. Затем я стал говорить в сильных выражениях о тех бедствиях мирового характера, которые я предвидел, как неизбежное следствие вступления Англии в войну. Когда же сэр Эдуард Гошен несколько раз указал на бельгийский нейтралитет, как на решающий момент, я нетерпеливо воскликнул, что по сравнению с ужасами англо-германской войны договор о нейтралитете

сительно изменения status quo после победы Германии. Ответ Англии, если освободить его от риторических политико-этических украшений, означал, что Англия оставляет за собою абсолютную свободу действий, т.-е., другими словами, не желает отказаться от свободы вмешательства в войну. И в этом случае я не мог освободиться от впечатления, что как раньше, так теперь и позднее английские государственные деятели смотрели на войну только через очки британских интересов, но закрывали глаза на то значение, которое для всего мира и человечества неизбежно должна была иметь такая война между родственными народами по обе стороны Северного моря. Относительно результатов моих попыток я не питал никаких иллюзий. Английские авторы ¹⁾ не без иронии распространялись о том, насколько ошибочно было с нашей стороны считать английский нейтралитет обеспеченным. Они забывают, как основательно мы ознакомились с направлением английских волеустремлений со времени Эдуарда VII, со времени речи в Mansion House (во дворце лорда-мэра) и миссии Хольдена, и упускают из виду, что определенные сведения об

Бельгии представляет собой лишь клочок бумаги. Пусть это слово было неудачно — ведь у меня вся кровь кипела как от коварного неоднократного подчеркивания бельгийского нейтралитета, в котором вовсе не заключался действительный мотив, толкавший Англию к войне, так и от абсолютного отсутствия понимания, что объявление войны Англией должно уничтожить такие ценности мирового значения, по сравнению с которыми нарушение нейтралитета Бельгии является пустяком. Но официальное использование частных разговоров представлялось мне совершенно неприемлемым в дипломатии обычаем. Если это все-таки произошло, то сэр Эдуард Гошен, на которого мое взволнованное состояние произвело такое сильное впечатление, должен был бы для полноты картины еще прибавить, что при прощании он заплакал и просил у меня разрешения еще некоторое время остаться в моей приемной, потому что в таком виде не считал возможным показаться служащим канцелярии.

¹⁾ Напр.: F. S. Oliver, Ordeal by Battle, стр. 58.

англо-русских переговорах мы получили еще весною. Тот, кто ложно приписывает нам такую крупную ошибку, по крайней мере, способствует разрушению легенды о бельгийском нейтралитете, как основании для об'явления Англией войны.

И у нас известная политическая группа распространяла мнение, будто я не хотел видеть и не видел английской опасности, а рассчитывал до последнего момента на дружественное поведение Великобритании. Это, повидимому, весьма распространенный в политической борьбе способ введения в заблуждение хотя бы и с помощью сведений, самым вопиющим образом противоречащих фактам. Как раз мои попытки вступить в соглашение с Англией, начавшиеся с первых дней моего канцлерства и повторявшиеся все время, несмотря на понесенные неудачи, доказывают, что я видел английскую опасность по меньшей мере так же хорошо, как те, кто своей нагнетавшей морской политикой только увеличил это зло. Тому, кого, как меня, ни на мгновение не покидала мысль о грозящей стране опасности, не следовало бы свивать веревку из его же собственных попыток сделать все возможное даже при явной безнадежности его усилий.

1 августа, казалось, блеснула еще одна последняя надежда. Поступили известные депешки князя Лихновского, согласно которым Грей сам лично и через своего секретаря хотел еще раз выдвинуть на рассмотрение вопрос о нейтралитете Франции в русско-германской войне и нейтралитете Англии, в случае войны Германии с Францией и Россией. Император, в момент поступления этих депеш окруженный своими военными и политическими советниками, решил тотчас же, что, рискуя даже, что эти донесения могут оказаться ошибочными, следует, само собой разумеется, пойти на все невыгоды, связанные с замедлением военных мероприятий. Посол получил от меня срочные указания — принять протяну-

тую нам руку. Если Англия гарантирует нейтралитет Франции, мы в таком случае не предпримем никаких мер против последней. Император в том же духе телеграфировал королю Георгу. Но то был призрак, тотчас же рассеявшийся, недо-
разумение, оставшееся нераз'ясненным. Лавину уже нельзя было остановить. И она обратила в развалины старую Европу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Судьба решила против нас. Пусть враги чувствуют себя победителями, они все же не являются судьями. Их приговор — лишь решение определенной партии, и доказательная сила его далеко не соответствует тому шуму, ненависти и самохвальству, в которые они облачают свои обвинения. Гордый английский девиз — *right or wrong my country* ¹⁾ — в победе и поражении одинаково сильный призыв, покрывается теперь деловой пропагандой, которая, умалчивая о явных фактах, трубит по всему миру о виновности Германии. Противники хотят быть только обвинителями; они отклоняют суд, подвергающий обвинение рассмотрению. Единственный трибунал, который мог бы иметь место, если бы в данном случае возможно было обвинение, как в обычном процессе, — третейский суд нейтральных государств — для них неприемлем. Но и то, что может быть сказано с немецкой стороны, является только партийным мнением и поэтому малоценно. Все это лишь отражения субъективных представлений, несвободных от тех следов, которые чудовищность катастрофы должна была оставить в каждом человеческом восприятии. Вполне *sine ira et studio* (объективно) в состоянии будет судить только позднейший историк. Но все же и теперь нельзя отрицать некоторых выводов.

Явный вымысел, будто бы Германия вызвала войну из-за стремления к мировому господству, до такой степени нелеп,

¹⁾ Права и ни не права, но то — моя страна!

что историческое исследование могло бы только в том случае остановиться на нем, если бы не было никаких других объяснений. Что германская политика не использовала многих относительно более благоприятных случаев вызвать войну, но каждый раз искала и находила мирное разрешение вопроса, это — исторический факт. Думать, что для установления мирового владычества Германии мы выбрали бы наиболее неблагоприятное стечение обстоятельств в полном противоречии с нашими политическими и военными возможностями, урезанными господствующей системой коалиций, это значит — предположить такое отсутствие здравого смысла, которое можно приписать противнику в пылу ежедневной политической борьбы, но которое не выдерживает никакой исторической критики. С другой стороны, неопровержимым фактом является стремление России к овладению выходом в Средиземное море и ее желание играть доминирующую роль предводителя в славянском мире. Эти панславистские тенденции проходят через всю русскую политику, меняясь в своей силе, но никогда не угасая совершенно; стремление же овладеть проливами, хотя бы ценою европейской войны, доказано документально. Когда Россия обращает конфликт из-за панславистской пропаганды, остро вставший благодаря кровавому сараевскому делу, из локального в международный, а затем мобилизацией всех своих боевых сил из сферы дипломатической переносит его на военную почву, то эти действия являются сами по себе не только последовательным выражением исторического хода русского развития, осознанного русской политикой, как историческая миссия России, но и соответствуют ситуации момента.

Связанное с проведением русских планов разложение австро-венгерского союза государств имело решающее значение для всей системы распределения сил в Европе. Судьбой Дунайской монархии определялось также и будущее Германии, и таким образом дело шло о всем европейском status

quo. Однако ферментом мирового переворота европейский спор сделался лишь тогда, когда Англия стала на сторону России. Для Австралии и Канады, для Индии и Южной Африки проблемы о проливах и славянский вопрос не имели непосредственного значения. Но, не говоря о колониальной добыче, эти английские владения и колонии были заинтересованы в том, чтобы Британская мировая империя не вышла ослабленной из борьбы, в которую она вмешалась. Тот же самый интерес определял и поведение Америки. Даже в период своего нейтралитета Соединенные Штаты фактически были самым деятельным помощником Антанты. Потому что, как бы ни смотреть с точки зрения международного права на американские поставки оружия и аммуниции, огромное, если не решающее их значение для боевой силы наших врагов не подлежит никакому сомнению. Нельзя объяснять поведение Америки простыми ссылками на образование финансовых трестов и на некоторый индифферентизм по отношению к Германии, постепенно раздутый английской пропагандой и благодаря инциденту с «Лузитанией» в антипатию, отчасти даже в ненависть. Вопреки начинающемуся империалистическому соперничеству между обеими англо-саксонскими державами, Соединенные Штаты чувствовали себя ближе к родственной британской мировой империи, чем к возвышающейся германской державе. Одну только Японию Англия не могла прибрать к своим рукам. Забрав себе то, что ей было нужно из общей массы германских колоний, империя Восходящего Солнца ограничилась затем ролью довольного зрителя, которому взаимное ослабление борющихся сторон шло только на пользу. Так, вследствие агитации Англии война обратилась в смертельную борьбу почти всего мира против Германии. Вполне английским является лозунг *knockout*¹⁾, который теперь еще проводится по отношению к побежденному уже противнику. Английская политика, которая своим обеща-

¹⁾ В боксе—удар, выбивающий противника из строя. *Прим. ред.*

нием помощи открыла дорогу воинственным тенденциям двойственного союза и тем самым сделала возможной войну, а также общее руководство войной со стороны Англии — вот основы мирового переворота, который сейчас совершается..

Таким образом общим фоном мировой войны является, в конце концов, англо-германский антагонизм. Но взрыв элементарных народных чувств в обеих странах — в Германии больше в форме возмущения и гнева, в Англии с сильной примесью грубой уничтожающей ненависти — не только подтверждает тот факт, что при взаимном понимании можно было предотвратить мировую катастрофу, но и вскрывает его корни в народном подсознании. Взгляд, будто Англия сознательно искала военного решения разногласий с своим германским соперником, по моему мнению, заключает в себе определенное преувеличение, как равным образом не выдерживают критики и обратные предположения англичан. Все дело, повидимому, в том, что в обеих странах искусство государственного управления оказалось не в силах или не захотело предотвратить судьбу, грозившую тучей нависшую над горизонтом мира. Если мне и представляется, что я, действительно, пытался предотвратить опасность, это не значит, что я склонен переоценивать свою работу и отрицать ее недостатки. Я не вижу также и смягчающих вину обстоятельств в том, что моя рассчитанная на сближение политика возмущала некоторых, считавших себя призванными защитниками национальной идеи, тогда как лица, мне по существу сочувствовавшие, не могли или не хотели оказать достаточно веской поддержки. Выход из положения возможен был бы только в том случае, если бы руководители английского государства решились принципиально порвать с системой коалиций, лишь организующей противоречия, вместо того чтобы их разрешать.

Мировое господство означает и мировую ответственность. Но свойственное английской мысли отождествление интересов

человечества с британским владычеством — никогда не согласится добровольно признать ни один немец. И бесчеловечна и бессовестна с его точки зрения та политика, которая не побоялась ради усиления британской мощи надолго искалечить голодом целый семидесятимиллионный народ, — политика, упорно отказывавшаяся притти к мирному соглашению и положить, таким образом, конец человеческой бойне, для которой она согнала на европейские поля битвы представителей всех наций из всех частей света, до тех пор, пока полное уничтожение противника не насытило до пресыщения ее алчное властолюбие. Утверждение, будто Англия все это сделала лишь в защиту слабых наций или что она действовала, как исполнитель божьей воли, карающей злодея рода человеческого, столь же нелепо, сколь и лицемерно; лживость его так явно обнаруживается из всего поведения Англии во время войны и после фактического окончания ее, что серьезно оспаривать его не приходится. Эту обнаженность животного эгоизма, ставшего, быть может, надолго проклятьем для жизни и будущности народов, не следовало бы прикрывать прозрачной вуалью лицемерной святости.

Английское искусство государственного управления, исчерпываясь помыслами о том, чтобы путем коалиций и вооружений обеспечить осуществление своих властолюбивых вожделений, тем самым лишь следовало общему духу времени. Иллюзия, будто подобными средствами можно разрешить задачи мировой политики и человечества, и погубила Европу: в этом заблуждении — вина всех наций, принимавших участие в войне, даже и тех, которые хотели предотвратить войну. Ибо совершенно сложить с какой-либо державы ответственность за мировую катастрофу так же невозможно, как невозможно сваливать всеобщую вину на одну из них. Политика еще не прониклась убеждением, что развитие мировых отношений наций обязывает их пересмотреть свое отношение к войне. Не обращая внимания на то, что при установившейся

группировке держав каждое изменение в распределении основных сил в Европе затрагивает весь мир, великие европейские державы заботились только об увеличении своей мощи. А значительно устаревшее представление, что война не только является определенным проявлением национальной силы, но и способствует нравственному обновлению народов, продолжало крепко держаться, несмотря на народные ополчения и ужасающие изобретения техники, превратившие рыцарское единоборство в безумную человеческую бойню, которая, приняв затяжной характер, уничтожает в человеке всякое нравственное чувство. Сознание ответственности перед всем человечеством в его целом было чуждо европейским правительствам. Сила, вероятно, останется выражением национальной жизни и тогда, когда в смене времен создастся преобладание сил духовных над материальными; всецело преодолеть первобытный эгоизм народам суждено так же мало, как и отдельному индивидууму. Но то обстоятельство, что эти народы до сих пор даже не сделали сколько-нибудь серьезной попытки обновить международную жизнь, а держались как раз противоположного направления, и есть основная причина роковых событий, разразившихся над миром.

Вероятно никогда не разрешится спор о том, какая сторона дала первый толчок к всеобщей политике вооружений и к доведению до абсурда идеи коалиций. Безграничное взаимное недоверие, навязчивая мания империализма и ограниченный материальными стремлениями наций патриотизм — взаимно взвинчивали друг друга все в большей степени, и невозможно установить, какая народность всего больше под-
давалась этому во всем мире царящему настроению. Шовинизм — крайнее течение этой политики внешнего могущества, выражавшийся во французских и русских завоевательных тенденциях и в английском стремлении самым упрощенным способом обезвредить своего немецкого соперника, проводил

совершенно определенные агрессивные намерения. Напротив, у нас, в Германии, наиболее вдумчивые вожди этого направления, вопреки неоспоримым и вредным экстравагантностям пангерманских кругов, стремились по существу лишь к тому, чтобы путем усиления германской мощи парализовать вождения противников. Совершенно очевиден также контраст между официальным покровительством шовинизму во Франции и России — с одной стороны, и враждой пангерманизма с германским правительством — с другой. Но что общий ход развития должен был достигнуть наивысшей точки с вступлением в него Англии, являлось естественным последствием мирового господствующего положения Великобритании. Несмотря на свои миллионами исчисляемые армии, тройственный и двойственный союзы сохраняли известное равновесие между собою и не доводили дело до взрыва, пока Англия — еще свободная в своих решениях — стояла в стороне. Тройственный союз вообще являлся чисто оборонительным, а в двойственном союзе не осмеливались переходить к осуществлению своих наступательных намерений, не обеспечив себя предварительно английской поддержкой. Таким образом, не вредя ни объему, ни целостности великой Британской империи, *splendid isolation* (блестящая изолированность) Англии являлась в то же время существенной гарантией всеобщего мира. И чем больше Англия сходила с этой позиции, тем крепче приходилось Германии держаться союза с Австро-Венгрией, и вовсе не простая случайность, что движение, поведшее к большому военному законопроекту 1913 г., корнями своими уходит ко времени вмешательства Англии в франко-германский конфликт из-за Марокко. Когда позднее Англия уже совсем увязла в системе европейских коалиций, и военная поддержка франко-русских друзей обратилась для нее в дело чести, военная политика двойственного союза стала из скрытой своей стадии переходить в область практических осуществлений. Коалиции из защитников

мира превратились в защитников войны. Таков был результат европейской политики.

Теперь Антанта стоит у цели всех своих желаний. Безраздельно и полновластно управляет она миром и может беспрепятственно осуществлять идеи права и справедливости, свободы и гуманности, которые были ее военным лозунгом. В качестве практического результата мирной работы Парижа пока, правда, можно констатировать только удовлетворение собственной страсти к завоеваниям, насиливание Германии, создание ряда новых государств, не представляющих гарантии безопасности, и учреждение Лиги Наций в целях подавления Германии. Золотой век, который обещала водворить Антанта после низвержения прусского милитаризма и в котором сам немецкий народ должен был подняться к новому преуспеянию, достойному человеческого звания, — пока проявляется лишь в актах хищнического корыстолюбия, грубого насилия и ничем неприкрытой жажды мести. Всеобщее умиротворение, которое поставил себе целью Вильсон, изуродовано до неузнаваемости его европейскими союзниками, сама победа которых была делом его рук. Если европейские державы надеются методом калечащих аннексий и изнуряющих контрибуций положить фундамент будущего примирения народов, то разочарование не может не последовать в очень скором времени. Человеческие чувства глубоко взбудоражены ужасами войны. У людей пробуждается настоятельная потребность в уважении как к человеку, так и к целым народам. Они не допустят на продолжительное время ига такой государственной мудрости, которая, беспомощно следуя по наезженным дорогам, не только не в состоянии отказаться от инстинктов и принципов, поведших к войне, но вновь оживляет их и способствует их росту. Антанта безгранично преувеличивает свою силу, мечтая посредством порабощения Германии и балканизации центральной Европы осчастливить

европейские народы новой весной. Только путем свободного совместного труда Европа может постепенно излечить свои раны, которые она сама себе нанесла, или она погибнет от дальнейших кровопусканий. Пусть лицом к лицу с окружающей нас неумолимой действительностью образ мыслей, считающийся с этическими ценностями, представляется многим пустой и призрачной идеологией. Все же как раз мы, немцы, можем из хода собственной нашей истории почерпнуть надежду на то, что творчество, стремящееся соединить с национальной волей служение человечеству, неодолимо и непобедимо. Если мы возьмемся за такую работу, то никакие условия мирного договора не смогут воспрепятствовать нам участвовать в создании лучшего будущего человечества.

Было бы самообманом предполагать, что новая государственная форма, вместе с переходом к которой Германия вступает в самую тяжелую эпоху своей истории, является для нее залогом счастливого грядущего, и столь же неразумно искать спасения в поношении прошлого. Парижские переговоры о мире, в которых выступают одни лишь республиканские или во всяком случае демократические правительства, показывают, что формы государственного строя тут не при чем. Принизать дух 4 августа, с его гигантскими достижениями в период невероятно тяжелых годов, до квасного патриотизма, или, под гнетом несчастья, хотя бы и в поисках правды, опускаться до признаний, едва ли отличающихся от заочного и тенденциозного приговора врагов, — значило бы лишь ослаблять свою силу, покоящуюся прежде всего на самоуважении. Бедствия народа оттесняют на задний план всякого рода сожаления о прошлом и потерянном. Но и те, кто не сумел предотвратить несчастье, вправе верить, что дух, воодушевлявший наш народ для героических подвигов, не может погибнуть и что когда-нибудь он вновь выведет нас из роковой тьмы внутренних и внешних бедствий к свету.

